

языке положение иное: если присутствие артикля служит средством выявления субстантивности в ее различных аспектах, то его отсутствие служит сейчас средством отрицания всякой (а не только реальной, «осязаемой») предметности именной формы. Это наблюдается при переходе существительного в другую часть речи (ср. *l'arbre à pain* — «хлебное дерево») или при построении отрицательного предложения (ср. *je n'ai pas de pain*) и т. п. Таким образом узко материальное, конкретное понимание предметности старофранцузского существительного в связи с развитием артикля постепенно преобразовывается в более абстрактное ее осмысление.

Итак, в связи с развитием категории артикля внутри общего значения предметности происходит разграничение, усложнение и шлифовка отдельных его разновидностей и оттенков. Современная система артикля позволяет более детально и совершенно, чем в старофранцузском языке, выявлять различные аспекты предметности. Так, артикль может передавать количественную ее характеристику. Ср. *la truite est un poisson* (определенный артикль указывает на всю совокупность предметов, составляющих данное понятие — «форель» — «рыба»), *il y a de la truite dans ce lac* (частичный артикль указывает на неопределенное, несчисляемое количество предметности, «в этом озере водится форель»), *il y a des truites dans ce lac* (множественное число неопределенного артикля указывает на неопределенное количество отдельных предметов — «в этом озере попадаются отдельные форели»). *je vois une truite*³³ (неопределенный артикль как бы оформляет субстанцию в единичный предмет — «я вижу форель» — при этом одну) и т. д.

Противопоставление определенного и неопределенного артикля может служить средством выражения категорий определенности и неопределенности предмета (см. выше). Посредством артикля могут обнаруживаться значения отвлеченности и конкретности (ср. *l'homme est mortel*, но *un homme est entré dans la chambre*), нарицательности и собственности (ср. *il est Tartufe* — «он зовется Тартюф», *il est un Tartufe* — «он настоящий Тартюф», т. е. лицемер)³⁴. Выявление ряда других смысловых оттенков артикля находится уже в сфере стилистики.

Было бы ошибочным предполагать, что все разнообразие значений, передаваемых артиклем, присуще лишь современному французскому языку и не могло быть выражено средствами латинского или старофранцузского языков. Значения неопределенного количества или совокупности предметов могли с успехом быть переданными в латыни. Однако там для их выражения использовались различные лексические и отчасти грамматические средства, выбор которых определялся ситуацией и контекстом, а это придавало самим значениям несколько преходящий характер. Наоборот, получив единую стандартную грамматическую форму выражения, эти значения входят в плоть и кровь грамматического строя современного французского языка. Больше того, на основе использования различных разновидностей грамматического значения предметности в современном французском языке происходит грамматическое оформление существительных и увязывание их с другими словами в предложении.

Подведем итоги:

1. Формы современного французского артикля и их грамматические значения не были привнесены извне, но представляют собой последовательное развитие форм и значений латинских указательных местоимений и числительных — языковых элементов, восходящих к глубокой индоевропейской древности.

³³ Пример заимствован из книги Ф. Брюно «*La pensée et la langue*», 2 изд. Париж, 1926, стр. 112.

³⁴ Этой функции французского артикля посвящены статьи Г. Гильома (G. Guillemau) — «*Logique constructive interne du système des articles français*» («*Français moderne*», XIII, 1945, стр. 207—229) и «*La question de l'article*» (там же, XVIII, 1950, стр. 70—82).